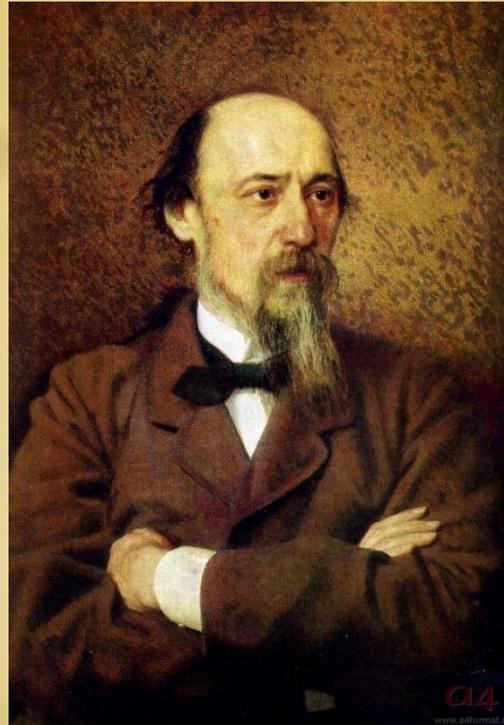

Николай Алексеевич Некрасов.

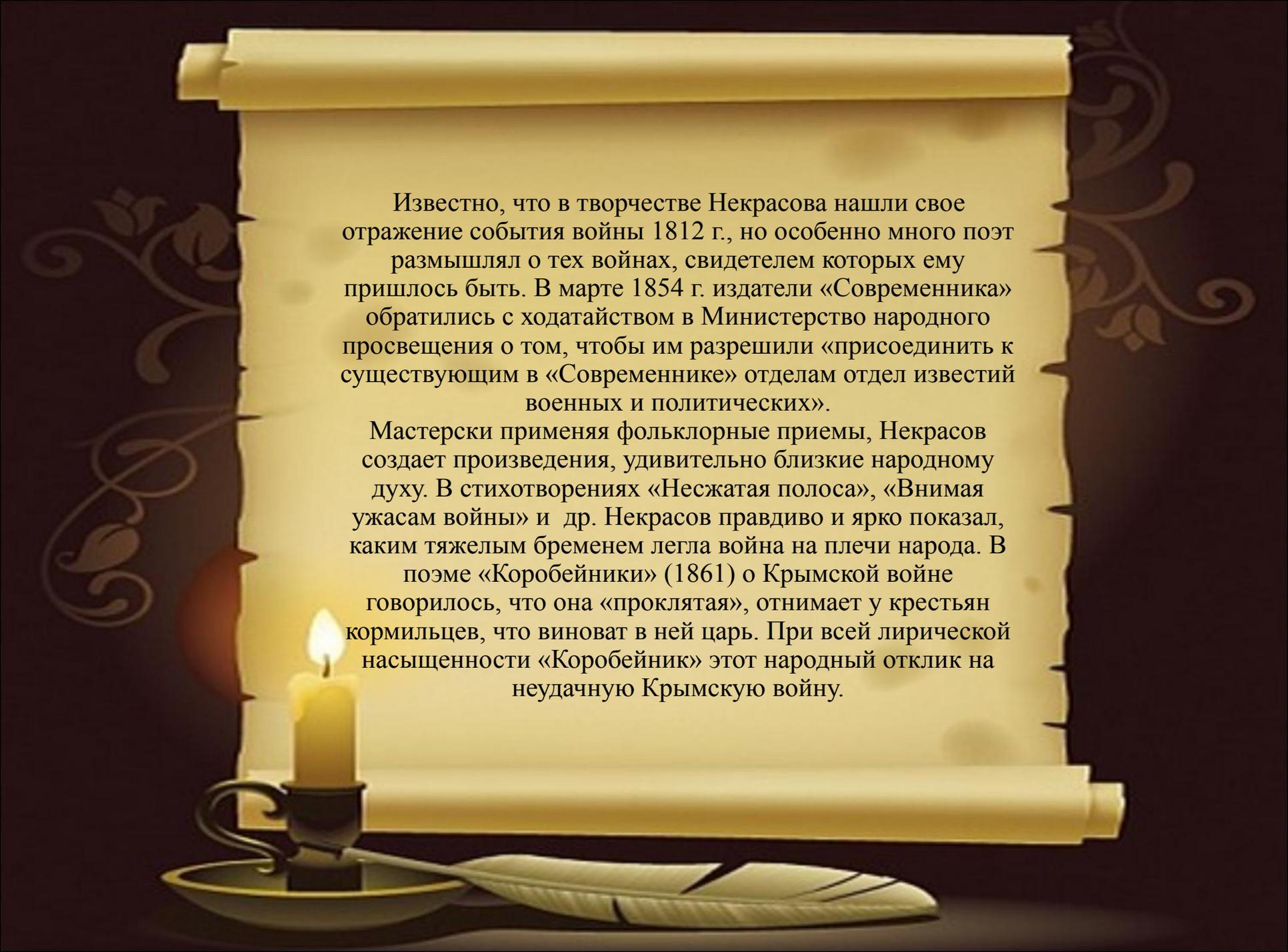
27 декабря 1877 (8 января 1878) года

Тема войны...

Изображение бесправия и угнетения народа, страстное желание революционного освобождения его от ига крепостничества и капиталистического хищничества составляют главный пафос творчества Некрасова. Историю и современное состояние общества великий поэт революционной демократии воспринимал как борьбу. «Самый принцип борьбы и социального антагонизма определяет собой в поэзии Некрасова все его оценки...».

Вполне естествен поэтому тот большой интерес, который проявлял поэт к вопросам войны и восстания. Некрасов был современником двух войн: Крымской (1853—1856) и русско-турецкой (1877—1878), явился очевидцем в 60-х годах роста революционных выступлений в России. Проблемы, связанные с этими важнейшими явлениями общественной жизни, отражались в таких произведениях, как «Орина, мать солдатская», «14 июня 1854 года» («Великих зрелищ, мировых судеб»), «Внимая ужасам войны», «Саша», «Несчастные», «Тишина», «О поводе», «Газетная», «Балет», «Знахарка», «Коробейники», «Суд», «Дедушка», «Русские женщины», «Современники»; поэт неоднократно обращался к этим вопросам и в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

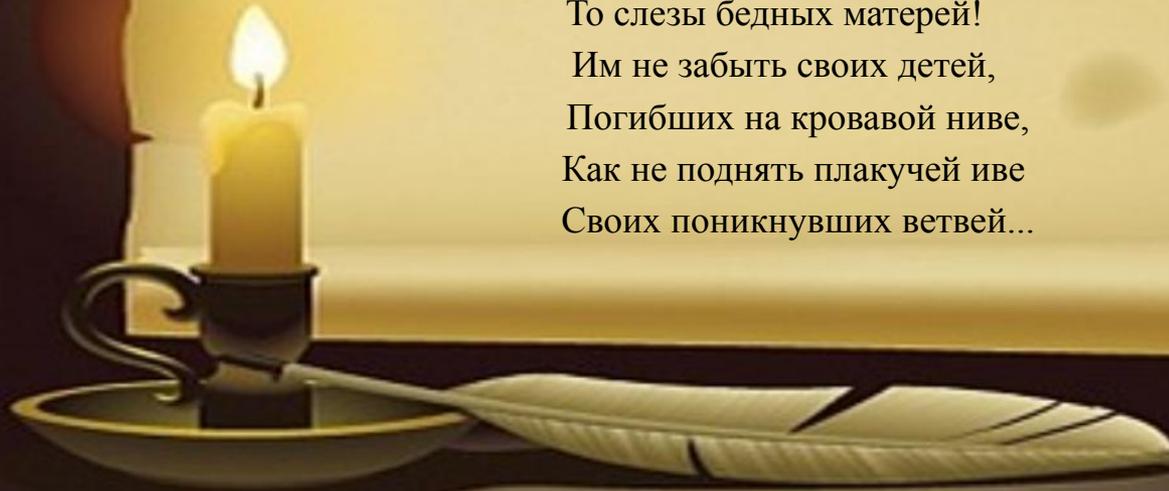
Известно, что в творчестве Некрасова нашли свое отражение события войны 1812 г., но особенно много поэт размышлял о тех войнах, свидетелем которых ему пришлось быть. В марте 1854 г. издатели «Современника» обратились с ходатайством в Министерство народного просвещения о том, чтобы им разрешили «присоединить к существующим в «Современнике» отделам отдел известий военных и политических».

Мастерски применяя фольклорные приемы, Некрасов создает произведения, удивительно близкие народному духу. В стихотворениях «Несжатая полоса», «Внимая ужасам войны» и др. Некрасов правдиво и ярко показал, каким тяжелым бременем легла война на плечи народа. В поэме «Коробейники» (1861) о Крымской войне говорилось, что она «проклятая», отнимает у крестьян кормильцев, что виноват в ней царь. При всей лирической насыщенности «Коробейник» этот народный отклик на неудачную Крымскую войну.

Внимая ужасам войны...

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...

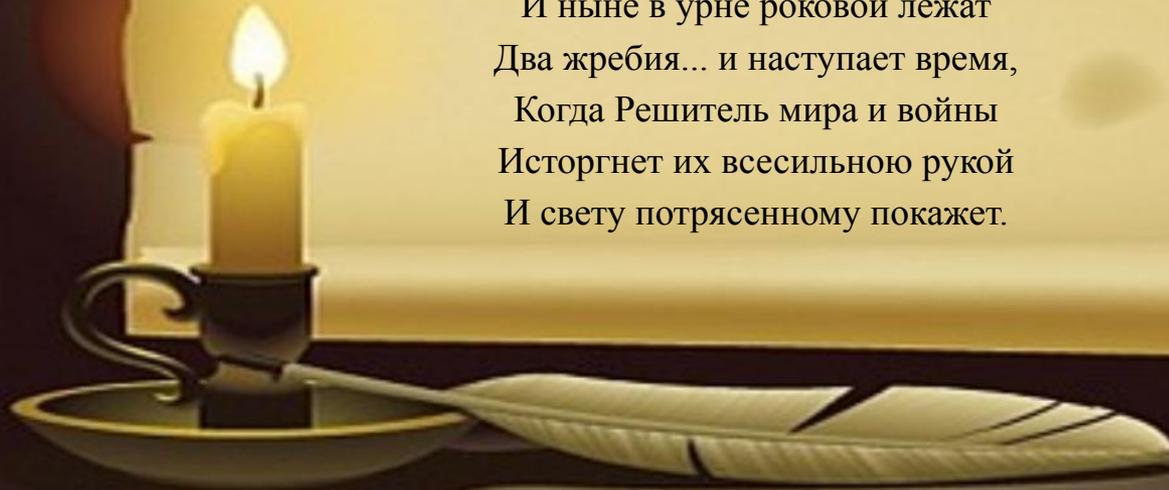
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
О дни я в мир подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых суде
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России:
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды
Моря и суша... медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились – стоят
Пред укрепленной русскою твердыней..

И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда Решитель мира и войны
Исторгнет их всеильною рукой
И свету потрясенному покажет.

Так, служба! сам ты в той войне...

Так, служба! сам ты в той войне

Дрался - тебе и книги в руки,

Да дай сказать словцо и мне:

Мы сами дельвали штуки.

Как затесался к нам француз

Да увидал, что проку мало,

Пришел он, помнишь ты, в
конфуз

И на попятный тотчас драло.

Поймали мы одну семью,

Отца да мать с тремя щенками.

Тотчас ухлопали мусью,

Не из фузеи - кулаками!

Жена давай вопить, стонать,

Рвет волоса,- глядим да тужим!

Жаль стало: топорищем хватъ –

И протянулась рядом с мужем!

Глядь: дети! Нет на них лица:

Ломают руки, воют, скачут,

Лепечут - не поймешь словца –

И в голос, бедненькие, плачут.

Слеза прошибла нас, ей-ей!

Как быть? Мы долго толковали,

Пришибли бедных поскорей

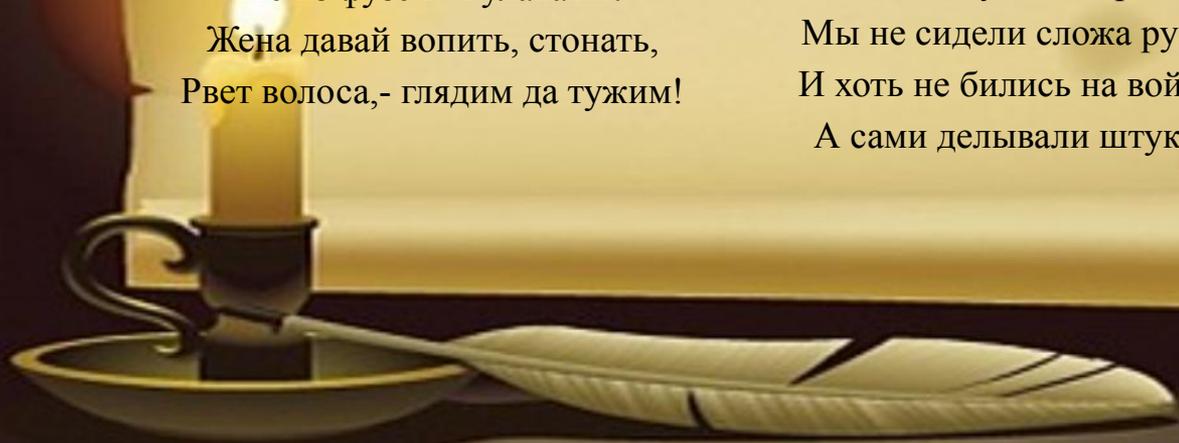
Да вместе всех и закопали...

Так вот что, служба! верь же мне:

Мы не сидели сложа руки,

И хоть не бились на войне,

А сами дельвали штуки!

Знахарка

Знахарка в нашем живет околке:

На воду шепчет; на гуще, на водке
Да на каких-то гадает травах.

Просто наводит, проклятая, страх!
Радостей мало - пророчит всё горе;
Вздумал бы плакать - наплакал бы море,

Да - господь милостив! - русский народ

Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:

"Эй! угодишь ты на барскую
псарню!"

И - поглядят - через месяц всего

По лесу парень орет: "го-го-го!"

Дяде Степану сказала: "Кичишься

Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!"

Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар - откупился!

Весь околоток колдунье дивился.

"Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! -

Думает старый мужик Пантелей. -

Что ни предскажет кому: разоренье,

Убыль в семействе, глядишь -
исполненье!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то
сидит?.."

Вот и пришел Пантелей - и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,

Любо взглянуть - молода, полнолица,

Рядом с ней парень - дворовый,

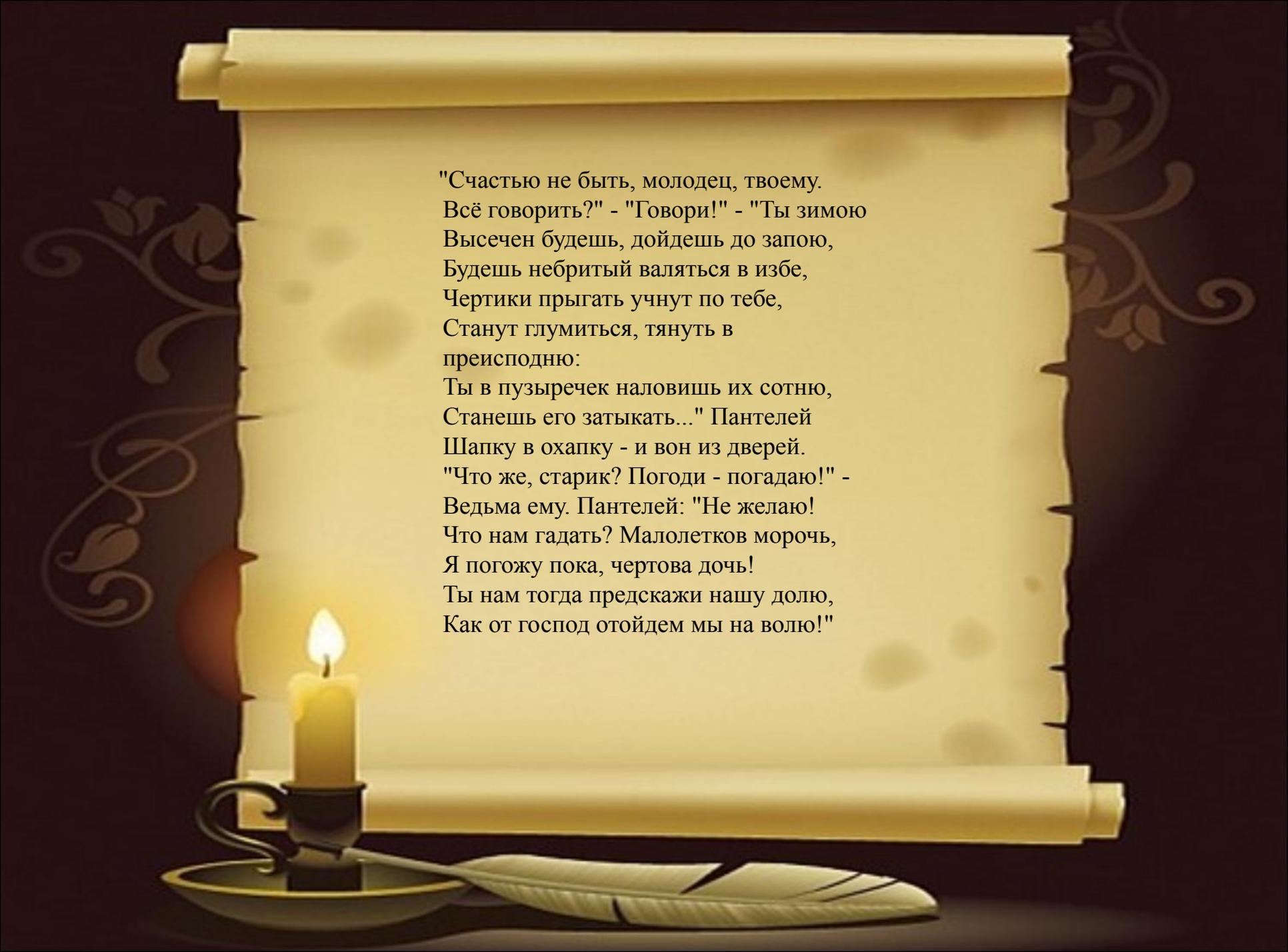
кажись,

Знахарка девке: "Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:

Милые слезы - и вечная воля!"

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:

A scroll of parchment is unrolled, showing text. In the foreground, a lit candle sits in a dark holder on a saucer, and a quill pen lies on the surface. The background is dark with decorative scrollwork.

"Счастью не быть, молодец, твоему.
Всё говорить?" - "Говори!" - "Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,
Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,
Станут глумиться, тянуть в
преисподню:
Ты в пузырьречек наловишь их сотню,
Станешь его затыкать..." Пантелей
Шапку в охапку - и вон из дверей.
"Что же, старик? погоди - погадаю!" -
Ведьма ему. Пантелей: "Не желаю!
Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!
Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!"

*В столицах шум, гремят
витий...*

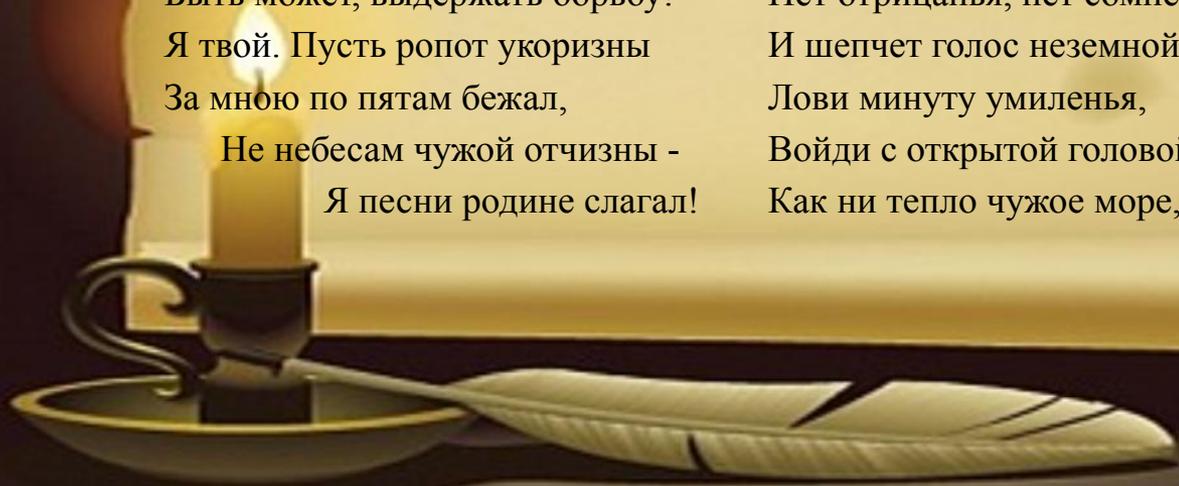
В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,
- Там вековая тишина.
- Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
- И выгибаются дугою,
- Целуясь с матерью землею,
Колосья бесконечных нив...

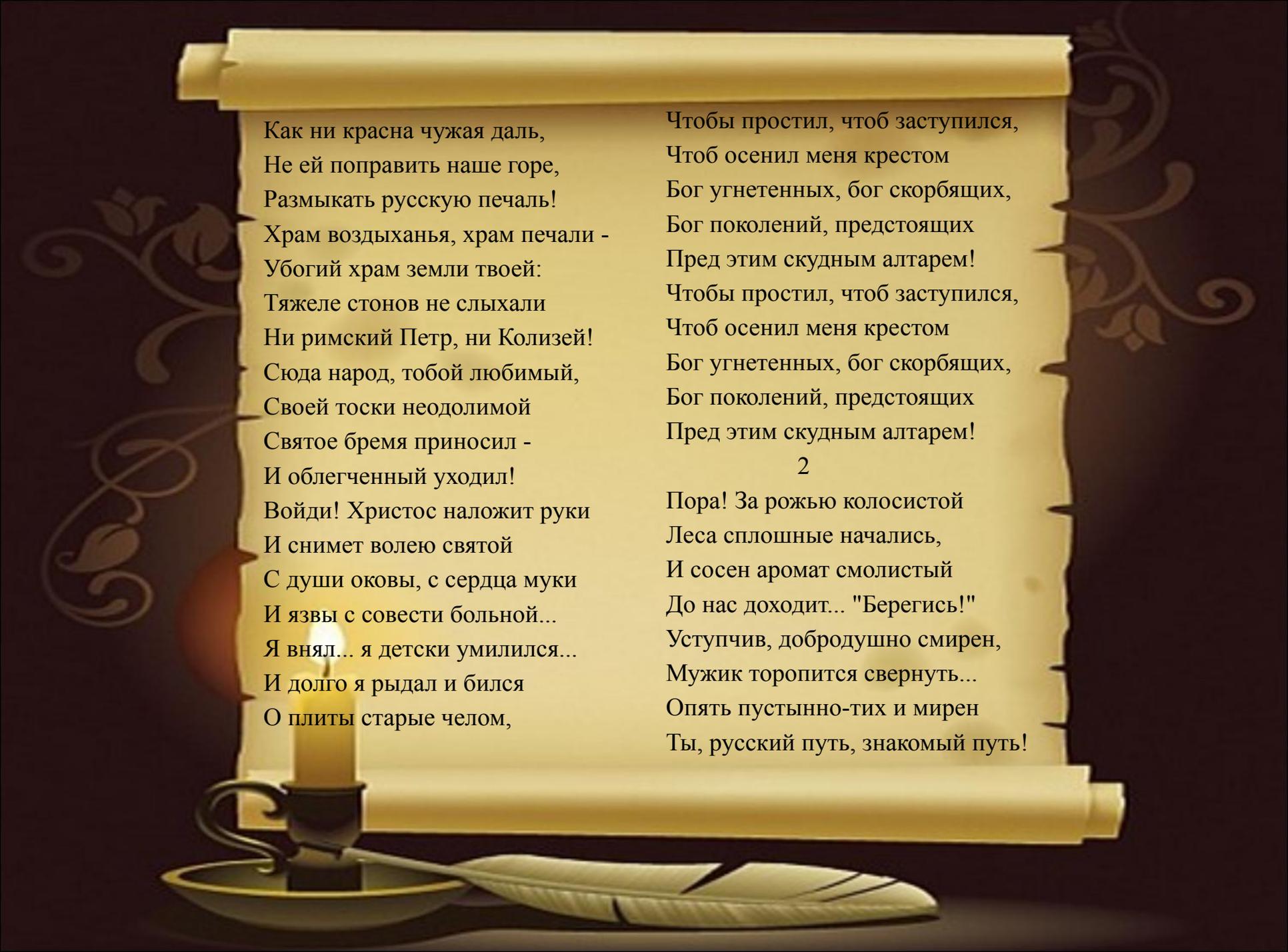

Тишина

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев свою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнул - и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!
Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
 Не небесам чужой отчизны -
 Я песни родине слагал!

И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,

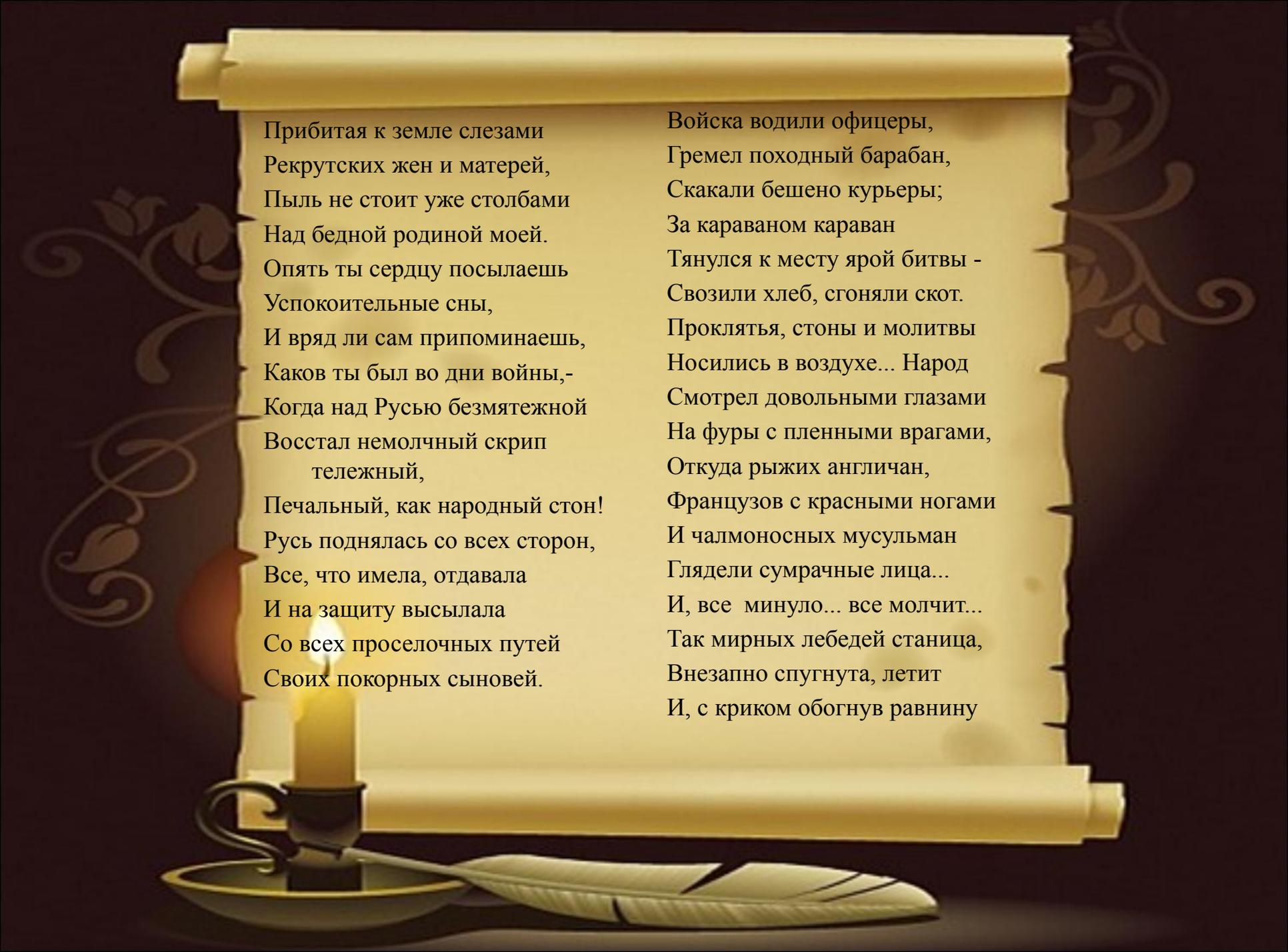

Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали -
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил -
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,

Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... "Берегись!"
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны,-
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип
тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы -
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И, все минуло... все молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину

Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Очистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит - и жертв не
просит,

Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.

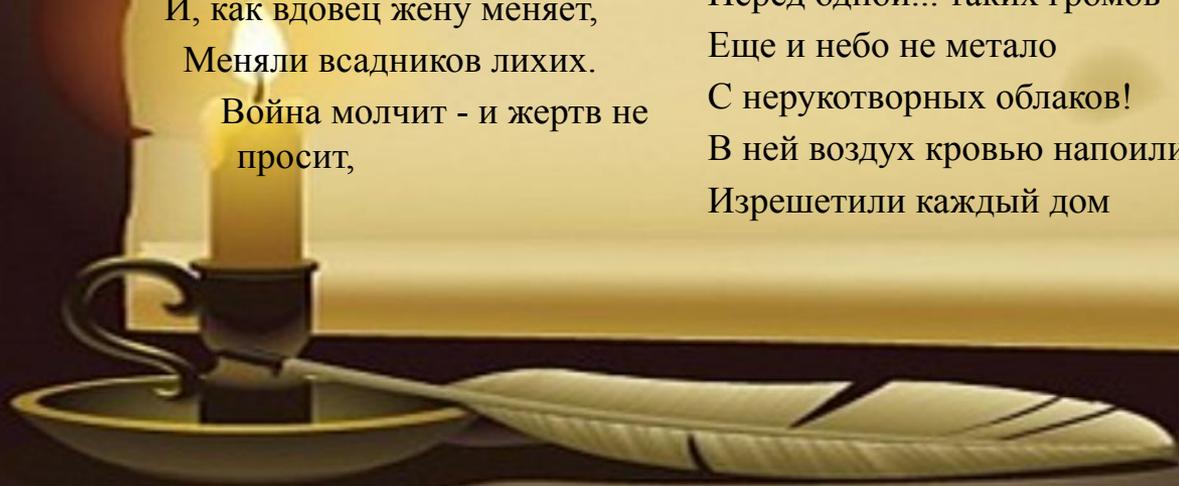
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

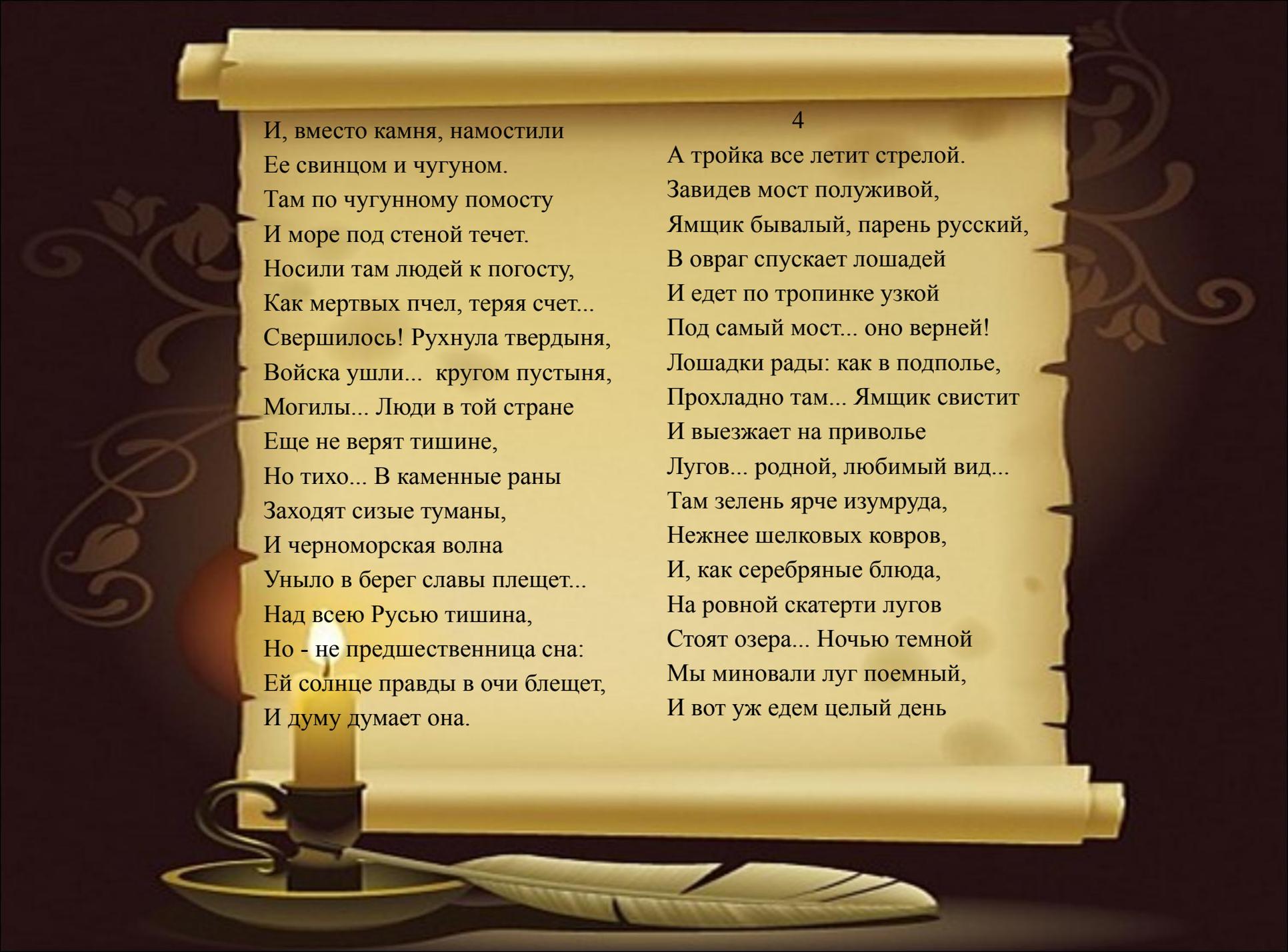
Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,

Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!

Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало

С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом

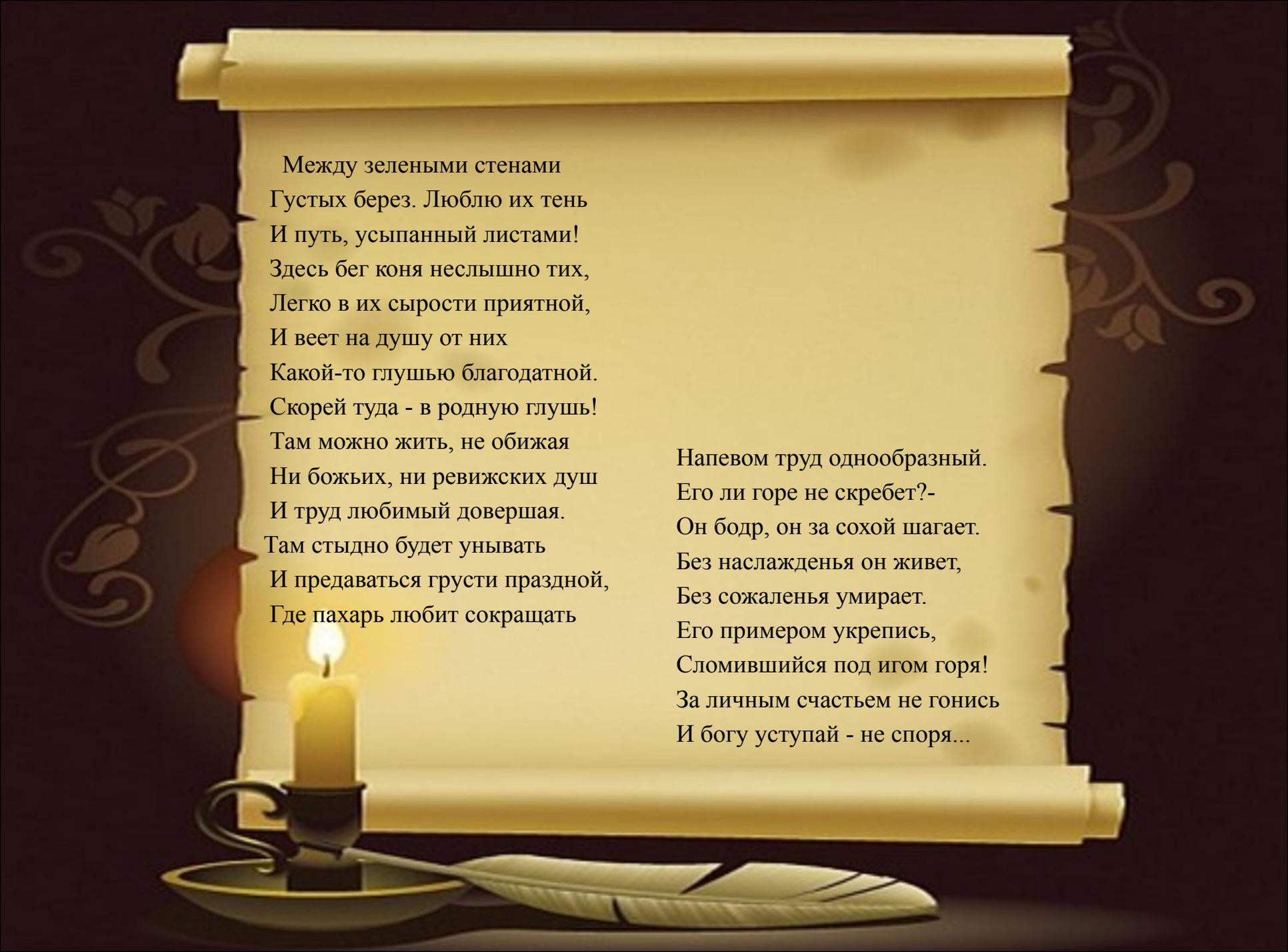

И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но - не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка все летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид...
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день

A scroll of parchment is unrolled, showing two columns of text. In the foreground, a lit candle sits in a dark metal holder on a shallow dish, and a quill pen lies horizontally. The background is dark with faint, decorative floral patterns.

Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда - в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать

Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет?-
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай - не споря...

***СПАСИБО ЗА
ВНИМАНИЕ!!!***

